

БЕЛЫЙ БАЛ

ДМИТРИЙ ИВАНОВ

Дмитрий Иванов

Белый бал

«Автор»

2026

Иванов Д.

Белый бал / Д. Иванов — «Автор», 2026

Ноябрь 2026 года. Петербург. Ведущий инженер по анализу отказов Глеб Руднев получает документацию по историческому особняку, где в декабре должен пройти закрытый Белый бал. Обычная техническая работа быстро перестаёт быть обычной: в материалах слишком много резервов, слишком много совпадений и слишком настойчиво повторяется один срок - семьдесят два часа. След приводит Глеба к «Аурелии» и её руководителю Адриану Вельскому - человеку, рядом с которым трудно отличить предусмотрительность от контроля, а заботу о системе от желания сделать её незаменимой. Чем глубже Глеб разбирает документы, архивы и чужие решения, тем яснее становится: Белый бал - не просто светский вечер. И вопрос уже не в том, работает ли созданная Вельским система. Она работает. Вопрос в другом: кто дал ей право решать за тех, кого она способна спасти?

© Иванов Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дмитрий Иванов

Белый бал

Пролог

*Самая опасная система - та,
которая работает именно так, как
было задумано*
Дмитрий Иванов

ПРИМЕЧАНИЕ

Все персонажи, компании и организации, описанные в романе, вымышлены. Любые совпадения с реально существующими лицами и организациями случайны.

Прочтение настоящего примечания считается ознакомлением с исходными условиями. Продолжение чтения - подтверждение принятия риска.

Последний такт

14 декабря 2012 года. Санкт-Петербург

В 21:43 дети ещё не начали играть. Большой зал уже затихал, но это была не тишина, скорее редкий промежуток между чужими движениями. Скрипнула ножка стула. Кто-то на галерее кашлянул и сразу прикрыл рот ладонью, будто нарушил правило. Взрослые сидели в белом, молочном, светло-сером; при электрическом свете цвета почти сливались. Дети на сцене были одеты обычно. Софья настояла на этом ещё месяц назад и потом трижды объясняла мне, что белый нужен взрослым, а не им. «Им нечего изображать пустую страницу», — сказала она тогда. Я ответил, что пустая страница — плохая метафора для благотворительного вечера. Она ответила, что я плохая метафора для брата. На этом мы договорились.

Софья стояла сбоку от ансамбля, чуть наклонившись к девочке у первого пюпитра. Та держала лист обеими руками и всё равно умудрялась шуршать им так, будто собиралась развернуть карту. Софья что-то сказала ей беззвучно, одними губами, и девочка перестала тереть бумагу. Потом сестра выпрямилась, увидела меня у боковой двери и подняла брови. Я кивнул, будто всё шло по плану. Она закатила глаза.

Начальник охраны подошёл так, что я заметил его только по движению людей за спиной. Он никогда не трогал меня за локоть и не произносил «срочно» в помещении с гостями. Поэтому, когда он остановился рядом и сказал тихо: «Один дымовой. Служебное крыло», я посмотрел не на него, а на часы.

21:43.

— Камера? — спросил я.

— Чисто. Пламени нет.

Слова были знакомые. За неделю автоматика уже дважды давала состояние, которое подрядчик называл повышенной чувствительностью. После первого раза мы проверили линию. После второго — заказали ночной осмотр. Ничего, что позволяло бы остановить мероприятие без спора, не нашли. Я знал и другое: отсутствие пламени на камере ничего не доказывало. Но в тот момент эта оговорка существовала у меня в голове отдельно от решения.

— Проверить на месте, — сказал я. — Без объявления. И дайте мне картинку с поста.

Начальник охраны кивнул и ушёл тем же способом, каким подошёл: не создавая события. Я остался у двери.

В зале никто ничего не заметил. Это показалось мне хорошим признаком.

Сейчас я бы не смог объяснить, почему.

На маленьком служебном экране рядом с дверью появилась камера коридора. Серое изображение, пустой проход, участок стены, закрытая техническая дверь. Никакого огня. Даже дыма на записи я не увидел. Только один служебный сотрудник быстро прошёл через кадр и исчез. Сигнал на панели оставался. Один.

Софья уже рассаживала детей. Один мальчик встал не к своему стулу, соседка потянула его за рукав, он отмахнулся, потом оба засмеялись. Софья повернулась к ним, ничего не сказала — просто дождалась, пока они сами перестанут. Она умела делать это лучше меня. Я почти всегда считал паузу инструментом. Для неё пауза была местом, где другой человек ещё мог что-то сделать сам.

Я посмотрел на часы снова.

21:44.

Связь с постом шла короткими фразами. Проверяющий был в пути. Второго однозначного сигнала не было. Камера оставалась чистой. Электрика вызвали к сервисному щиту.

— Савина? — уточнил я.

— Да.

Мне стало спокойнее. Алексей Савин раздражал половину подрядчиков тем, что никогда не говорил «всё нормально», пока не мог назвать, что именно проверил. С ним я работал раньше. Если там был дефект, он найдёт. Если датчик снова ошибся, он заставит объяснить почему.

В этом рассуждении не было ничего неправильного. Неправильным оказалось место, которое я ему отвёл: между сигналом и правом остальных узнать о сигнале.

Ведущий у сцены посмотрел на меня. Я кивнул: по программе. Он шагнул к микрофону, но Софья тут же показала ладонью подождать — у одного из детей съехал пюпитр. Мальчик попытался исправить его сам, сделал хуже, и Софья присела рядом. Не оттолкнула руку. Показала, где держать. Они поправили стойку вдвоём.

Я помню эту мелочь лучше некоторых последующих показаний.

В 21:45 начальник охраны вернулся. На этот раз остановился ближе.

— Предлагаю тихо вывести ближайшие помещения. Без сирены. Служебный сектор и учебный коридор. Пока проверяем.

Я посмотрел через зал на парадную лестницу. Она была красива ровно до тех пор, пока на ней не оказывалось слишком много людей. Белые плечи, длинные юбки, пожилые гости, дети, официанты. Главный проход сужался у поворота. Мы обсуждали это утром. При общем сигнале часть гостей инстинктивно пошла бы туда, откуда вошла, даже если боковые выходы ближе.

— Локальную проверку — да, — сказал я. — Общую пока нет.

Он не ответил сразу.

— Адриан Михайлович, тихий вывод сейчас проще, чем через пять минут.

Я услышал в этой фразе то, что он сказал. И всё же ответил на другое.

— Через пять минут, если понадобится, у нас будут готовые боковые выходы и человек у каждого маршрута. А сейчас мы получим движение без причины, которую можем объяснить.

— Понял.

Он не сказал «согласен».

Я тоже это помню.

Софья поднялась на сцену. Взрослые в зале окончательно затихли. Несколько человек всё ещё стояли у задней стены с бокалами; ведущий жестом попросил их сесть. На секунду

мне показалось нелепым, что самая сложная задача вечера сейчас — добиться, чтобы люди перестали шептаться перед детским выступлением.

21:46.

С поста сообщили: устойчивого пламени не видно. Савин начал искать источник. Формулировка была осторожной, и я услышал в ней подтверждение своей модели. Не подтверждение отсутствия опасности — этого никто не сказал. Подтверждение, что у нас ещё есть минуты.

Я подошёл на два шага ближе к залу. Софья заметила меня. У неё был тот взгляд, который в детстве означал: либо говори, либо перестань стоять с лицом человека, который знает секрет.

— Что? — спросила она беззвучно.

Я покачал головой и показал на сцену.

Играй.

Она секунду смотрела на меня, потом отвернулась.

Это тоже было решением. Не только моим — так я потом пытался думать. Она могла подойти. Могла спросить. Могла остановить детей сама. Всё это было правдой. Кроме одного: она не знала того, что знал я.

Софья подняла руку. Дети приготовились. Один вдохнул слишком рано и смутился. Она улыбнулась ему, едва заметно, и дала новый счёт.

Первые звуки были неровными. Потом собрались. Короткая пьеса начиналась осторожно, почти пусто, будто каждый участник сначала проверял, слышат ли его остальные. Я знал её продолжительность: три минуты. Мы прогоняли программу дважды.

Потом мне подтвердили запах горелой изоляции.

Эту фразу я услышал полностью. Не «возможно». Не «кажется». Запах подтверждён в служебной зоне.

На сцене музыка продолжалась.

Начальник охраны сказал:

— Теперь общую?

Я посмотрел на зал. Потом на часы. Потом снова на зал.

Я видел весь план сразу: открыть боковые двери, подготовить садовый маршрут, после номера спокойно перевести гостей в галерею и вывести детей первыми. Контролируемое движение вместо эвакуации толпы.

— Откройте боковые выходы, — сказал я. — Поставьте людей на садовый маршрут. Ведущему — готовить переход после номера.

Начальник охраны не уходил.

— А тревога?

Музыка дошла до первой паузы. Один ребёнок вошёл на долю раньше. Софья не остановила ансамбль. Она просто повернула голову, поймала его взгляд и дождалась, пока остальные подтянут фразу к нему.

— Сначала ближайшие помещения, — сказал я. — Я сам дам ведущему знак.

Он кивнул.

Я мог сказать другое слово. Одно. Оно не требовало схемы.

Не сказал.

Двери в садовой галерее начали открывать. Я видел движение персонала за зеркальными створками. Одна женщина у заднего ряда обернулась, заметила это и снова повернулась к сцене. Всё происходило именно так, как я хотел: без паники, без шума, без нарушения программы.

Мне стало спокойнее во второй раз.

С поста пришло сообщение о дыме у стыка служебной и учебной зон. Не в зале. Не на маршруте, который я собирался использовать для гостей. Пока ещё не там.

— Учебный выход? — спросил я.

— Проходим. Но я бы уже выводил.

— Готовьте.

Я снова не произнёс «тревога».

Пьеса шла второй минутой. Теперь она звучала увереннее. Самое странное в детском ансамбле — как быстро человеческое ухо прощает отдельную ошибку, если группа успевает снова услышать друг друга. Ещё двадцать секунд назад я различал каждую неровность. Теперь музыка стала одной линией.

Я смотрел на неё и видел доказательство собственного решения. Выходы открыты. Люди на местах. Ведущий предупреждён. Охрана готова. Проверка идёт. Мы не бездействуем.

Если бы кто-то в ту минуту спросил меня, почему я не остановил вечер, я бы ответил именно так: потому что я уже действовал.

Софья повернула страницу. Рука у неё дрогнула не от страха — она ничего не знала, — а потому что край бумаги зацепился за соседний лист. Она раздражённо прижала угол пальцем и продолжила считать детям глазами.

Я подумал, что после номера скажу ей про датчик. Она сначала выругается за то, что я не сказал сразу. Потом спросит, кто проверяет. Потом пойдёт считать детей сама, потому что не доверяет списку, если может посмотреть на лица.

У меня уже существовал разговор, который должен был случиться через две минуты.

В какой-то момент одна из групп света на секунду просела. Настолько коротко, что большая часть гостей не подняла головы. Я поднял.

Пост заговорил одновременно со мной. Дополнительные состояния. Нестабильность. Савин сообщил, что нужно отключение, потом связь с ним стала рваной. Я переспросил. Ответ пришёл не сразу.

— Повторите по Савину.

Шум в линии. Чужой голос. Потом: «Работает у щита. Готовит отключение». Или «требует отключения». Я не уверен, что именно услышал. Позже я много раз был уверен.

Ведущий стоял у кулисы и смотрел на меня. Он тоже заметил свет. Я показал ладонью: ещё.

Музыка приближалась к финальной фразе. Зал слушал детей. Боковые выходы были открыты. Я уже выбрал слова для ведущего: не «пожар», не «эвакуация» — «техническая пауза». Потом мы выведем детей. Потом гостей. Потом разберёмся с щитом.

Это казалось мне ответственностью: не сообщать человеку больше страха, чем нужно для правильного действия.

Теперь я знаю другое название.

На сцене Софья чуть подняла подбородок. Она всегда делала это перед последней фразой — не для детей, для себя. Как будто напоминала, что конец нельзя ускорять только потому, что он уже близко.

Потом свет погас.

Не весь сразу. Сначала исчезло золото со стен. Потом потемнели зеркала. На сцене оборвался один звук, второй продержался ещё мгновение — акустика зала вернула его нам уже без источника. Где-то справа кто-то вскрикнул. Из служебного коридора пришёл запах, который до этого существовал только в чужих словах.

Горелая изоляция.

Дверь в глубине дома ударила о коробку с таким звуком, будто кто-то захлопнул тяжёлую книгу.

А потом включилась общая тревога.

Я не помню, кто запустил её первым — автоматика или пост. Я помню собственный голос.

— Общая эвакуация. Садовые выходы. Детей первыми. Служебный сектор — наружу. Быстро, без бега.

Я уже шёл к залу, когда в последний раз посмотрел на сцену.
Теперь у меня был пожар.
Финального такта я не услышал.

Глава 1

*Второй комплект
3 ноября 2026 года
Санкт-Петербург*

В половине шестого вечера Петербург уже выглядел так, будто рабочий день закончился несколько часов назад. Дожда почти не было — только мелкая взвесь, которую невозможно было разглядеть в воздухе, пока она не оседала на воротнике, волосах и стекле телефона. Под ногами блестел чёрный асфальт. Свет фонарей растягивался по нему жёлтыми полосами, ломался в лужах и исчезал под колёсами машин. Глеб Руднев задержался у ворот и поднял голову. Не из-за здания. Он смотрел на светильник над въездом. Лампа включалась с едва заметным опозданием: сначала срабатывал соседний фонарь, затем проходило примерно полсекунды, и только потом загорался этот. Глеб постоял ещё немного. Фонарь погас. Через несколько секунд датчик снова поймал движение на тротуаре. Первый. Пауза. Второй.

— Разные группы, — тихо сказал Глеб.

Он сам услышал собственный голос и усмехнулся. Нормальный человек в половине шестого вечера думал бы о том, где поужинать. Руднев анализировал наружное освещение здания, к которому вообще не имел отношения. Он застегнул куртку и пошёл к машине. День получился длинным. Не тяжёлым — именно длинным. Такие дни Глеб переносил хуже всего. Когда не происходило ничего достаточно серьёзного, чтобы мобилизоваться, но каждое мелкое действие требовало присутствия: подпись, фотография, измерение, уточнение, ещё один вопрос, ещё один журнал событий, который почему-то существовал сразу в трёх версиях. На объект он приехал утром. Формулировка задания была привычной: обследование инженерных систем, анализ последовательности нескольких отказов, оценка того, могли ли они иметь общую причину.

Формулировки вообще редко соответствовали реальной работе. «Анализ отказа» звучал так, будто где-то существовал аккуратный сломанный механизм, который оставалось положить на стол, разобрать и найти треснувшую деталь. В действительности почти всегда ломалась не деталь. Ломалось взаимодействие. Один человек считал, что сигнал увидит другой. Один автомат должен был отключиться раньше второго. Кто-то заменил оборудование на «эквивалентное». Кто-то решил, что три секунды ничего не меняют. Кто-то однажды временно снял блокировку, а через год никто уже не помнил, что она когда-то существовала. После этого появлялся отказ. Потом совещание. Потом фраза: «Так сложились обстоятельства». Глеб не любил обстоятельства. Обстоятельства не имели уставок, временных диаграмм и ответственных лиц. Люди — имели.

Он дошёл до машины, но не открыл дверь. Телефон коротко завибрировал. На экране высветилось уведомление рабочей почты. 17:32. Отправитель был ему незнаком. Тема: «СП-19/12. Комплект исходных данных для анализа». Глеб несколько секунд смотрел на письмо. Про этот комплект ему говорили утром. Следующий объект. Фонд. Какой-то декабрьский закрытый приём в историческом здании. От «Контура» требовалась независимая оценка устойчивости отдельных инженерных систем — без полноценной экспертизы, без проектирования, без выпуска рабочей документации. Небольшая работа. По крайней мере так её описал руководитель группы. Глеб открыл письмо.

«Глеб Андреевич, добрый день.

В соответствии с достигнутыми договорённостями направляем материалы для предварительного ознакомления. Просим до проведения установочного совещания не формировать итоговых выводов в связи с продолжающимся уточнением конфигурации объекта».

Ниже стояла подпись сотрудника компании, название которой Глеб уже где-то видел. ООО «Аурелия Проект». Он нахмурился. Не потому, что узнал компанию. Потому что не смог вспомнить, откуда. Глеб терпеть не мог это ощущение. Когда мозг уже отметил информацию как знакомую, но отказался сообщать источник. Он пролистал письмо вниз. Вложение: SP_1912_INPUT_v3.zip. Сорок шесть мегабайт.

— В машине, — сказал он себе.

Телефон он убрал в карман. Сел за руль. И всё равно через несколько секунд снова достал. Не для того, чтобы открыть архив. Просто посмотреть письмо ещё раз. В строке получателей кроме него стояли два адреса сотрудников «Контур». Всё правильно. Обычная рабочая рассылка. Глеб положил телефон экраном вниз на пассажирское сиденье. Завёл двигатель. Печка отозвалась холодным воздухом.

— Отлично.

Он выехал с территории.

* * *

В пробке у Обводного он вспомнил, где видел название «Аурелия». Неделью назад. В старом заключении. Не в основном тексте — в приложении. Компания фигурировала там как владелец одного из смежных объектов. И всё. Глеб постучал пальцами по рулю. Это объяснение его устроило. Почти.

Красный свет светофора отражался в мокром лобовом стекле. Щётки лениво проходили справа налево, оставляя на секунду чистую поверхность, которая тут же снова покрывалась мелкими каплями.

Телефон завибрировал ещё раз. Он не посмотрел. Потом ещё. Глеб перевёл взгляд на часы приборной панели. 17:48. Машины впереди не двигались. Он взял телефон. Второе письмо. Тот же отправитель. Тема почти такая же: «СП-19/12. Комплект исходных данных для анализа — дополнение». Внутри — одно предложение: «Направляем дополненный комплект. Просим использовать его вместо направленного ранее». Вложение: SP_1912_INPUT_v3a.zip. Размер — сто двадцать восемь мегабайт. Глеб перечитал строку. Потом посмотрел на предыдущее письмо. Первое — 46 мегабайт. Новое — 128. Он снова открыл текст. Никаких пояснений. Ни «расширен состав». Ни «добавлены исходные данные». Ни перечня изменений. Просто: использовать дополненный комплект вместо направленного ранее. Светофор загорелся зелёным. Сзади почти сразу посигналили.

— Вижу.

Глеб положил телефон и тронулся. Разница в размере могла ничего не значить. Дубликаты. Исходники. Тяжёлые чертежи. Сканированные листы. Временные файлы. Половина технического документооборота человечества держалась на предположении, что версия с буквой «а» почему-то лучше версии без неё. Ничего необычного. И всё же через несколько минут он поймал себя на том, что продолжает считать. Восемьдесят два мегабайта разницы.

* * *

Офис «Контур» находился не там, куда Глеб поехал. Рабочий день официально закончился. Возвращаться туда смысла не было. Он ехал домой. Это решение он принял ещё на выезде с объекта. Через сорок минут Глеб сидел на кухне с ноутбуком. Куртка осталась в прихожей, влажная по плечам. На столе стояла кружка кофе, к которой он пока не притронулся. Он обещал себе только скачать материалы. Ничего не открывать. Просто убедиться, что оба архива сохранились в рабочей папке, отправить короткий ответ о получении и закончить день. В 18:36 первый архив загрузился. В 18:38 — второй. Глеб создал каталог 19_12. Внутри два

подкаталога: 01_received_1732 и 02_received_1748. Он посмотрел на них. По письму второй комплект теперь следовало считать рабочим, а первый — устаревшим. Но удалять исходные данные Глеб не любил. Никогда.

Не из недоверия. Из привычки. В техническом расследовании файл, который кто-то называет ошибочным, иногда оказывался важнее файла, который позже называли правильным. Не потому, что кто-то обязательно что-то скрывал. Чаще всё происходило проще. Люди исправляли документы. А вместе с ошибкой случайно исправляли историю её появления. Глеб щёлкнул по первому архиву. Структура была аккуратной: 01_Общие данные, 02_Электроснабжение, 03_Связь, 04_СКУД, 05_Пожарная безопасность, 06_Резервирование, 07_Эксплуатационные сценарии. Он сделал глоток кофе. Холодный. Глеб поморщился. Когда успел?

Он открыл раздел общих данных. Титульные листы. Ведомости. Планы. Ничего интересного. Заказчик — фонд «Северная партитура». Название Глебу понравилось меньше, чем должно было. Не потому, что было плохим. Наоборот. Слишком красивым для организации, присылающей схемы резервного электроснабжения. Он открыл поисковик, потом остановился. Нет. Работа завтра. Сейчас — только структура. Закрыв браузер. В разделе с эксплуатационными сценариями находилось четыре PDF-файла. Открыл первый. Планы переключений. Обычные. Второй. Резервное питание. Третий. Работа каналов связи при отказе основного ввода.

Глеб пролистал несколько страниц. Схема была сложнее, чем он ожидал для закрытого мероприятия, но ничего невозможного в этом не было. На объекте с большим количеством гостей требования к связи, доступу, охране и резервированию всегда разрастались быстрее, чем хотелось владельцу. Особенно если среди приглашённых были люди, для которых потеря мобильной связи на десять минут считалась чрезвычайной ситуацией национального масштаба. Глеб закрыл документ. Остался четвёртый файл: Event_Mode_19-12.pdf. Он открыл. Первая страница почти пустая. Схема размещения оборудования. Таблица. Несколько кодов. Никаких фамилий. Никакой информации о гостях. В верхнем правом углу: 19.12.2026. Ниже: режим: EVENT. Глеб пролистал дальше. Шесть страниц. Восемь. Двенадцать. Ничего особенного.

Он уже собирался закрыть документ, когда заметил строку в нижней части одного из листов: « T_0 определяется отдельным планом мероприятия». Глеб остановил прокрутку. Перечитал. Необычно. Но объяснимо. Для инженерной документации удобнее было бы указать конкретное время либо ссылку на утверждённый сценарий. T_0 больше походило на обозначение из временной диаграммы. Начальная точка события. Активация. Отсчёт. Глеб приблизил лист. Рядом шла последовательность: $T_0 - 120$, $T_0 - 60$, $T_0 - 15$, T_0 , $T_0 + 5$. Он наклонился к экрану. Не концерт. Не банкет. С технической точки зрения мероприятие было расписано как процедура. Это уже представляло профессиональный интерес.

Глеб открыл ведомость связанного оборудования. Часть строк была обезличена. Вместо привычных наименований использовались коды: К-01, К-02, К-03. Дальше: Контур 01, Контур 02, Контур 03, Контур 04. Слово заставило его улыбнуться.

— Серьёзно?

Он работал в бюро «Контур». Совпадение было настолько прямым, что становилось почти смешным. Но уже через секунду Глеб перестал улыбаться. Рядом с четвёртым контуром стояло: ББ-26 / Контур 04.

ББ. Могло означать что угодно. Блок безопасности. Базовый блок. Бесперебойный блок. Бортовая батарея — если очень постараться.

Глеб открыл легенду документа. Расшифровки не было. Он нажал поиск. ББ-26. Одно совпадение. Только эта строка.

— Ладно.

Он записал код в блокнот. Не потому, что считал его важным. Просто потому, что не любил обозначений без расшифровки. На этом можно было остановиться. И надо было. Глеб посмотрел на часы. 19:07. Он ещё не ужинал. На телефоне лежали два непрочитанных сообщения. Он закрыл первый архив. Несколько секунд сидел неподвижно. Потом посмотрел на папку 02_received_1748. Второй комплект. Сто двадцать восемь мегабайт. Тот самый, который просили использовать вместо первого. Глеб провёл ладонью по лицу.

— Только структура.

Архив распаковался медленнее. Первые семь папок повторяли структуру первого комплекта. Но дальше шли ещё четыре: 08_Резервная связь, 09_Автономные системы, 10_Сценарные карты, 11_Archive_reference. Глеб больше не смотрел на часы. Он открыл восьмую. Схемы. Таблицы каналов. Маршрутизация. Несколько файлов имели внутренние номера без названий. В девятой лежали расчёты автономности. В одном из них напротив узла РС-4 стояло: «Required autonomy — 72 h». Трое суток сами по себе не были невозможными, но такое требование требовало сценария, состава нагрузки и основания. Рядом основания не было. В десятой папке лежали сценарные таблицы. Глеб открыл одну. Слева — время, сверху — коды. Расшифрованы были только две категории: 01. Связь. 02. Энергетика.

Дальше шли обозначения без легенды: К-04, R-07, S-09. В нескольких строках повторялось слово «контур», но из фрагментов невозможно было понять, сколько таких категорий вообще существует и относятся ли они к одному объекту. Глеб пролистал таблицу ещё раз. Пока это выглядело как внутренний классификатор большого проекта — слишком широкий для обычной эксплуатации здания, но недостаточный для какого-либо вывода. Он посмотрел название файла: BB26_SCENARIO_MATRIX_DRAFT. BB. Снова. Глеб открыл свойства документа. Автор не указан. Организация: Aurelia. Дата последнего изменения: 28.10.2026. Внизу одного листа была служебная строка мелким шрифтом. Настолько мелким, что при обычном просмотре её можно было принять за номер версии. Глеб увеличил масштаб.

19.12.2026 / T₀. Ниже: «Окно устойчивости — 72 h». Ещё ниже: «Синхронизация по отдельному графику».

Под строкой шёл текст серого цвета. Глеб прочитал. Потом ещё раз.

«Задержка активации — 7 мин. Не повторять 2012».

Он не сразу понял, что именно его насторожило. Семь минут? 2012? Слово «активация»? Нет. Формулировка.

«Не повторять». Так не писали в технической документации. Можно было написать: «учесть опыт эксплуатации», «исключить задержку», «обеспечить время реакции не более...», «реализовать автоматический запуск». Даже: «по результатам анализа инцидента 2012 года». Но не: «Не повторять 2012».

Это было не требование. Это была память. Глеб открыл поиск по папке. 2012. Система начала просматривать документы. Одно совпадение. То самое. Он попробовал: 7 мин — одно. «семь» — ноль. «задержка активации» — одно.

— Прекрасно.

Глеб посмотрел в окно. За стеклом была темнота. Не та густая зимняя темнота декабря, когда город окончательно смиряется с отсутствием света, а ноябрьская — влажная, отражённая, почти прозрачная. В доме напротив горели окна. На кухне этажом ниже кто-то двигался между столом и плитой. Обычный вечер. Глеб снова посмотрел на монитор. «Не повторять 2012». В инженерных расследованиях прошлое редко исчезало. Оно оставалось в странных местах. В уставке, которую никто не решался менять. В дополнительном реле на стене. В кабеле, проложенном по бессмысленному маршруту. В инструкции, где одно предложение было выделено жирным без видимой причины. Иногда объект десятилетиями носил на себе шрамы аварии, о которой новые сотрудники уже ничего не знали.

Но здесь было другое. Документ был свежим. Двадцать восьмое октября 2026 года. Кто-то шесть дней назад сознательно написал: «Не повторять 2012». Глеб потянулся к телефону. Можно было написать руководителю группы. Спросить, что это за комплект. Почему он пришёл ему. Есть ли какая-то предыстория объекта. Он уже открыл рабочий чат. И остановился. Было поздно. Да и вопрос пока отсутствовал. Было только любопытство. А любопытство — плохая причина поднимать людей вечером. Глеб закрыл чат. Вместо этого открыл один из планов здания. Особняк. Исторический. Толстые стены. Несколько лестничных клеток. Большой зал. Служебные помещения. Схемы эвакуации. Ему понадобилось меньше минуты, чтобы понять: здание ему знакомо. Не само. Планировка. Глеб видел её раньше. Где?

Он увеличил центральную часть. Главная лестница. Северное крыло. Галерея. Большой зал. Переход. Ещё один лестничный марш. В памяти что-то сдвинулось. Старый технический отчёт. Пожар. Не его расследование — тогда он ещё учился. Кажется, материал попался ему во время подготовки одного из обзоров по каскадным отказам систем безопасности в исторических зданиях. Глеб снова открыл браузер. На этот раз не остановился. В строке поиска набрал название объекта. Несколько результатов. Реставрационные работы. История здания. Фотографии интерьеров. Фонд «Северная партитура». Глеб добавил: 2012 пожар. Страница обновилась. Он замер. Первая ссылка вела на архивную новость: «Пожар в историческом особняке во время закрытого благотворительного вечера». Дата публикации: 15 декабря 2012 года.

Глеб открыл. Текст был коротким. Пожар. Ночная эвакуация. Работа экстренных служб. Причины устанавливаются. Он пробежал глазами ниже. И остановился.

Четыре погибших. Глеб медленно поставил кружку на стол. Он не заметил, когда снова взял её в руки. Четыре. Новость была написана сухо. Почти без деталей. Такие старые публикации всегда казались обезличенными: событие уже завершилось, эмоции выцвели, ссылки на следующие материалы давно перестали работать. Глеб пролистал страницу. Фотография фасада. Пожарные автомобили. Свет прожекторов. Дым над крышей. Под снимком — подпись: 14 декабря 2012 года. Он вернулся к документу. «Не повторять 2012». Теперь предложение означало больше. Но яснее не стало. Наоборот. Мероприятие 2026 года планировали в том же здании? После пожара? Через четырнадцать лет? И кто-то внутри инженерной документации специально ссылался на тот вечер.

Глеб открыл другую вкладку. Поиск по названию фонда и дате. Результатов было немного. Старые афиши. Благотворительные проекты. Музыкальные программы. Архивная копия страницы, почти полностью исчезнувшей из сети. Он нажал. Страница загружалась долго. Белый фон. Сломанные изображения. Несколько строк текста. В центре сохранился заголовок: «БЕЛЫЙ БАЛ». Ниже: 14 декабря 2012 года. Глеб посмотрел на слова. Потом на название файла: BB26_SCENARIO_MATRIX_DRAFT. ББ. Он тихо выдохнул.

— Вот ты что.

Белый бал. ББ-26. Белый бал 2026. Совпадение перестало быть совпадением. На архивной странице не было почти ничего. Несколько абзацев о вечере в поддержку культурных и реставрационных программ. Музыка. Благотворительность. Закрытый список гостей. Организаторы. Глеб прокрутил ниже. Большинство фотографий не загрузилось. Одна сохранилась. Групповой снимок. Человек двадцать на фоне лестницы. Мужчины в костюмах. Женщины в вечерних платьях. Белые цветы. Слишком низкое разрешение, чтобы различить лица. Глеб приблизил. Изображение рассыпалось на квадраты. Он закрыл. Неважно. Его интересовала не светская хроника. Его интересовали семь минут. Он снова вернулся к архиву. На этот раз открыл папку 11_Archive_reference. В ней было всего два файла. Первый — пустая таблица реестра. Второй — 2012_EVENT_LOG_REF.pdf.

Глеб почувствовал, как усталость исчезла. Не резко. Просто перестала иметь значение. Он открыл файл. Запрос пароля.

— Разумеется.

Закрыв. Попробовал посмотреть свойства. Название. Версия. Дата. И поле: «Источник: оригинал журнала событий». Глеб перестал двигаться. Не сам оригинал — ссылка на него. Значит, этот материал либо составляли по полному журналу, либо хотели, чтобы читатель документа считал именно так. Для технического расследования разница была принципиальной. Профессиональная часть его сознания мгновенно отреагировала на слово. Журнал событий был именно тем, с чего начиналось любое нормальное техническое расследование. Не с показаний. Не с итогового акта. Не с красивой схемы, нарисованной через неделю после аварии. С последовательности. Что произошло первым. Что увидела автоматика. Что не увидела. Кто подтвердил сигнал. Что включилось. Что не включилось. Сколько прошло времени.

Семь минут. Глеб открыл поисковик ещё раз. Запрос: «пожар 14 декабря 2012 особняк журнал событий». Ничего. Добавил название здания. Несколько публикаций. Официальные выводы. Причина возгорания. Нарушения. Эвакуация. Глеб читал быстро, выхватывая технические формулировки. В одном материале говорилось, что сигнал о происшествии был передан своевременно. В другом — что развитие пожара оказалось стремительным. В третьем — что часть систем работала штатно. Он остановился. «Своевременно». Слово, которое ничего не означало без времени. Глеб посмотрел на серую строку в документе: «Задержка активации — 7 мин. Не повторять 2012». У него наконец появился вопрос. Не тот, который стоило задавать сегодня вечером. Но уже настоящий. Что произошло за эти семь минут?

Телефон завибрировал. Глеб вздрогнул. На экране было новое письмо. 19:41. Тот же отправитель. На этот раз тема отличалась: «ВАЖНО. Ошибочно направленные материалы». Он открыл.

«Глеб Андреевич,

во втором письме от 17:48 по технической ошибке был направлен расширенный комплект материалов, не относящийся к предмету работ бюро «Контур».

Просим удалить вложение из письма от 17:48 без дальнейшего использования. В работе просим использовать комплект, направленный в 17:32. Подтвердите, пожалуйста, удаление ответным письмом».

Глеб перечитал сообщение. Потом посмотрел на часы. 19:42. Два часа. Им понадобилось два часа, чтобы заметить ошибку. Ничего удивительного. Могли заметить сразу и долго согласовывать формулировку. Могли просто получить уведомление. Могли проверить журнал отправки. Глеб вернулся к рабочей папке. 02_received_1748. Курсор остановился над ней. Удалить. Он не нажал. Вместо этого открыл свойства архива. Дата получения. Размер. Контрольная сумма. Глеб скопировал её в текстовый файл. Необходимости в этом не было. Почти наверняка. Но он слишком долго занимался расследованиями, чтобы уничтожать первичный материал после простой просьбы в письме. Даже если материал пришёл ошибочно. Особенно если ошибочно.

Он не собирался распространять документы. Не собирался использовать их в заключении. Не собирался даже сообщать кому-то о содержимом до разговора с руководителем. Но удалить? Нет. Глеб создал внутри рабочей директории папку SOURCE_DO_NOT_USE. Перенёс туда второй архив. Закрыв. После этого написал ответ: «Добрый вечер. Комплект от 17:32 остаётся в работе. Вложение из письма от 17:48 в рабочую выборку включено не будет». Он перечитал. Отправитель просил подтвердить удаление. Глеб этого не подтвердил. И лгать не

стал. Нажал «Отправить». Письмо ушло. На кухне стало очень тихо. Холодильник отключился. За окном прошла машина, и на несколько секунд свет фар скользнул по потолку.

Глеб сидел перед ноутбуком. Ему следовало закрыть крышку. Поужинать. Принять душ. Включить что-нибудь бессмысленное. Завтра утром рассказать о письме руководителю и спокойно разобраться. Вместо этого он ещё раз открыл первый комплект. Тот, который теперь оставался разрешённым к работе. Семь папок. Никакого 2012 года. Никакого Белого бала. Никаких лишних сценарных категорий. Никакого срока 72 h. Обычная инженерная документация. Аккуратная. Корректная. Без лишних вопросов. Глеб смотрел на экран и впервые за весь вечер почувствовал не любопытство. Раздражение.

Он знал этот приём, хотя здесь, вероятно, никакого приёма не было. Когда человеку показывали исправленную версию документа, первая постепенно начинала казаться ошибкой не только формально, но и в его собственной памяти. Проходило несколько дней. Новый файл вытеснял старый. И в какой-то момент уже трудно было уверенно сказать, что именно ты видел раньше. Глеб закрыл рабочий комплект. Открыл блокнот. На чистой странице написал дату: 03.11.2026. Ниже: СП / особняк. Следующая строка: ошибочный второй комплект — 17:48. Ещё ниже: ББ-26. 19.12.2026 / Т₀. РС-4 — 72 h. Он немного подумал. И последним записал: 7 минут / 2012 — почему? Поставил знак вопроса.

Посмотрел на страницу. Всего четыре строки. Никакого расследования. Никакой тайны. Никакой причины считать, что произошло что-то важное. Всего лишь документы, которые случайно отправили не тому человеку. Глеб закрыл блокнот. В 19:56 ноутбук ушёл в спящий режим. Через одиннадцать минут во внутреннем журнале информационной системы «Аурелии» автоматически появилась запись:

03.11.2026 / ИНЦИДЕНТ 26-1103-17

Внешний получатель: РУДНЕВ Г.А.

Пакет: РАСШИРЕННЫЙ/ v3a

Запрос на отзыв отправлен: 19:41

Подтверждение удаления: не получено

Строка оставалась без комментария менее минуты. Затем рядом появился новый статус.
ТРЕБУЕТ ПРОВЕРКИ.

Глава 2

Предмет работ
4 ноября 2026 года
Санкт-Петербург

Глеб проснулся за семь минут до будильника. Он понял это не сразу. Сначала увидел серый потолок, потом полоску света от фонаря на стене, потом цифры на телефоне — 06:23. Будильник был поставлен на половину седьмого.

Семь минут. Глеб закрыл глаза.

— Очень смешно.

Сон уже не возвращался. В голове стояла вчерашняя строка из документа, хотя он ни разу сознательно не пытался её вспомнить: «Задержка активации — 7 мин. Не повторять 2012». Он полежал ещё немного, прислушиваясь к дому. Где-то сверху прошумела вода. В подъезде хлопнула дверь. На улице проехала уборочная машина, шурша щётками по мокрому асфальту. Обычные звуки раннего утра почему-то действовали лучше любой попытки убедить себя, что ничего особенного не произошло. Ничего и не произошло, напомнил себе Глеб. Ему по ошибке прислали лишние документы. Он увидел внутреннюю пометку. Нашёл старую публикацию о пожаре. Всё. Он встал, поставил чайник и открыл блокнот, оставленный вечером на кухонном столе. Четыре строки выглядели уже менее впечатляюще, чем ночью.

03.11.2026. СП / особняк. Ошибочный второй комплект — 17:48. ББ-26. 19.12.2026 / Т₀. РС-4 — 72 h. 7 минут / 2012 — почему?

Глеб посмотрел на последнюю строчку, взял ручку и рядом написал: «Не вывод. Проверить официально». Это помогло. Он всегда чувствовал себя спокойнее, когда вопрос получал правильный статус. Не загадка. Не подозрение. Не тайна. Гипотеза, которой пока нечем быть.

К семи утра кофе был выпит, вчерашняя рубашка отправлена в стирку, а рабочая почта проверена дважды. Новых писем от «Аурелии» не было.

Это почему-то насторожило его больше, чем если бы они написали снова.

* * *

Бюро «Контур» занимало два этажа в бывшем административном здании недалеко от набережной. Снаружи дом выглядел так, будто его перестраивали по частям в разные десятилетия: дореволюционный кирпич внизу, стеклянная надстройка наверху, слишком новые алюминиевые двери между ними. Внутри всё было проще — белые стены, стеклянные перегородки, лабораторные помещения за тяжёлыми дверями и вечный запах кофе, бумаги и нагретой электроники. В штате было около тридцати человек. Для крупной организации — почти ничего. Для независимого технического бюро — достаточно, чтобы одновременно расследовать пожар на складе, отказ автоматики в торговом центре, спор страховой компании с подрядчиком и ещё пять историй, в которых каждая сторона заранее знала виновного. Глеб пришёл в 08:14. У двери кабинета Елены Мещериной уже горел свет.

Он посмотрел на часы ещё раз, хотя необходимости не было. Елена редко приезжала раньше половины девятого. Если только не улетала, не принимала заказчика или не хотела поговорить с сотрудником до того, как офис наполнится людьми. Глеб снял куртку, поставил ноутбук на стол и успел открыть только почту.

— Руднев.

Голос прозвучал из коридора. Он поднял голову. Елена стояла у своей двери с кружкой в руке.

— Ко мне.

— Доброе утро.

— Посмотрим.

Елена Сергеевна Мещерина руководила «Контуром» одиннадцать лет и обладала неприятной для собеседника привычкой не заполнять паузы. Она могла задать вопрос и спокойно ждать столько, сколько требовалось, пока человек сам не переставал прятаться за первой удобной формулировкой. В бюро считали, что это профессиональная техника. Глеб подозревал, что ей просто не нравилось говорить вместо других. На столе перед ней лежала распечатка. Глеб узнал своё вчерашнее письмо.

— Они позвонили в семь пятьдесят две, — сказала Елена. — На общий номер.

— По поводу второго комплекта?

— По поводу того, что один из наших сотрудников не подтвердил удаление второго комплекта.

Глеб сел.

— Я не подтвердил, потому что не удалил.

— Я догадалась. Открывал?

— Да.

— Насколько далеко?

Глеб не стал изображать непонимание.

— Достаточно, чтобы увидеть, что он отличается от актуального. Часть документов просмотрел до письма об отзыве.

— После письма?

— Нет.

Елена отпила кофе.

— Сохранил?

— Да.

— Почему?

Ответ у него был готов ещё с ночи.

— Потому что это исходный материал, который поступил нам по официальному каналу в рамках действующего договора. Отправитель позже изменил статус, но факт передачи не исчез. Я не собираюсь использовать содержимое в работе без отдельного решения. Но уничтожить первичный материал по письму того же отправителя считаю неправильным.

Елена несколько секунд смотрела на него.

— Ты сейчас отвечаешь как инженер или как человек, которому стало интересно?

Глеб выдержал паузу.

— Как инженер.

— Плохо.

Он нахмурился.

— Почему?

— Потому что инженер сказал бы сначала, где лежит копия, кто к ней имеет доступ и сохранил ли ты исходное письмо. А ты объяснил мне философию хранения доказательств.

Глеб почти улыбнулся.

— Исходный архив лежит в отдельной локальной папке. В облако не загружался. Доступ только у меня. Исходное письмо сохранено на сервере. Я записал контрольную сумму архива.

— Уже лучше. Кому показывал?

— Никому.

— Пересылал?

— Нет.

— Скриншоты?

— Нет.

— Внешние носители?

— Нет.

Елена кивнула и отодвинула распечатку.

— Значит, пока ничего не трогаешь. Ни удаляешь, ни открываешь снова. Я отвечу им сама.

— Хорошо.

— И ещё одно. Мы не уголовный розыск, Глеб.

— Я знаю.

— Знаешь. Но иногда тебе нравится забывать, когда документ ведёт себя странно.

Он ничего не сказал. Елена развернула к нему папку с договором.

— Наш предмет работ здесь.

Она постучала пальцем по странице.

— Техническая устойчивость инженерных систем объекта в режиме массового мероприятия. Электроснабжение критических нагрузок. Связь. Управление доступом. Пожарная автоматика. Сценарии отказа. Границы ответственности эксплуатации и подрядчиков. Всё.

— В договоре есть анализ предшествующих инцидентов?

Елена подняла глаза.

— Вот мы и пришли к интересному.

Она перелистнула несколько страниц.

— Есть пункт о проверке исторических изменений систем после реконструкций. Есть требование учитывать причины прошлых существенных отказов. Но отдельного задания на расследование пожара 2012 года нет.

— Ты знала про пожар?

— Разумеется.

— До вчерашнего дня?

— Я подписывала договор, Глеб.

Это прозвучало без раздражения, но достаточно точно.

— В открытых материалах четыре погибших, — сказал он. — И довольно мало технических деталей.

— Потому что открытые материалы редко пишут для ведущего инженера по анализу отказов.

— Заказчик давал официальный отчёт?

— Нет.

— Почему?

— Потому что мы пока его не запрашивали.

Глеб посмотрел на неё. Елена откинулась на спинку кресла.

— Ты работаешь с этим проектом меньше суток и уже задаёшь вопрос так, будто отсутствие документа является признаком сокрытия. Не является. Пока не является.

— Я не сказал, что они скрывают.

— Ты умеешь не говорить это очень выразительно.

На секунду между ними возникла та привычная тишина, в которой Глебу обычно приходилось выбирать: защищаться дальше или признавать точность замечания.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда официально запрашиваем материалы по реконструкциям после 2012 года и основания для текущих сценариев резервирования.

— Именно.

Елена подвинула к нему ещё один лист.

— И ты будешь ведущим по этому аудиту.

Глеб не сразу ответил.

— Я думал, это временно, пока Игорь не вернётся.

— Игорь вернётся через три недели. Если врачи не передумают. У нас нет трёх недель.

— Значит, я замещаю его.

— Нет. Замещение заканчивается вместе с отсутствием человека. Я сказала другое.

Глеб почувствовал знакомое внутреннее движение — не радость, скорее мгновенный пересчёт ответственности. Сроки. Люди. Подписи. Кто будет проверять расчёты. Кто поедет на объект. Кто заберёт его текущие дела. Елена заметила это почти сразу.

— Не начинай.

— Что?

— Распределять в голове отдел, которым ты ещё не руководишь.

— Я не распределяю.

— У тебя лицо меняется.

Глеб посмотрел на договор.

— Это проверка?

— В том числе.

— Для группы?

— Для тебя. Группу я как-нибудь переживу.

Он улыбнулся, но коротко.

— Какие условия?

— Те же, о которых я говорю тебе последние два года. Не быть самым умным человеком в каждой комнате. Не проверять лично всё, что можно отдать другому специалисту. Не путать качество с тотальным доступом к чужим черновикам. И если ты видишь странность — сначала сообщить команде, а не строить вокруг неё собственную маленькую следственную группу.

Последняя фраза была слишком близко к вчерашнему вечеру.

— Я сообщил тебе утром.

— После того как уже провёл больше часа дома с чужим архивом.

— Письмо об отзыве пришло в девятнадцать сорок одну.

— Это сейчас должно помочь?

Глеб вздохнул.

— Нет.

— Хорошо. Тогда начинаем с простого. Составь официальный запрос. Всё, чего не хватает для проверки текущего состояния. Не того, что тебе любопытно. Того, без чего нельзя сделать вывод.

Она взяла ручку и добавила:

— И позови Надежду. Пусть посмотрит формулировку по ошибочно переданному комплекту.

Глеб поднял глаза. Елена заметила и это.

— Она юрист. Ты инженер. Сегодня попробуем эту экзотическую модель разделения труда.

— Я ничего не сказал.

— Вот именно.

* * *

Надежда Крылова приехала в «Контур» в одиннадцать двадцать. Она не работала в бюро, но последние годы вела для него часть споров по ответственности проектировщиков и страховым случаям — там, где техническое заключение неизбежно начинало жить второй жизнью в претензиях, переговорах и судах. Глеб увидел её через стеклянную перегородку раньше, чем она вошла. Надежда сняла тёмное пальто, коротко о чём-то пошутила администратору и по пути успела поздороваться с двумя сотрудниками лаборатории. Она всегда входила в помещение так, будто уже знала, где здесь можно стоять, кому мешает открытая дверь и у кого сегодня

плохое настроение. Глебу когда-то казалось, что это лёгкость. Потом он понял: просто другой способ замечать детали. Она вошла в переговорную с тонкой папкой и телефоном в руке.

— Доброе утро, Елена Сергеевна. Глеб.

— Надежда, — ответил он.

Никаких пауз, которые мог бы заметить посторонний. Они давно научились разговаривать друг с другом без права окружающих на контекст. Елена передала ей распечатки писем.

— Ошибочная отправка. Клиент требует подтвердить удаление. Глеб, естественно, не удалил.

Надежда пробежала глазами письмо и посмотрела на него.

— Конечно.

— Это было сказано как юридическое заключение? — спросил Глеб.

— Как статистическое.

Елена встала.

— Разберитесь с формулировкой. Мне через десять минут звонить страховщикам. И, пожалуйста, без семейной терапии на счёт бюро.

— Мы не семья, — одновременно сказали Глеб и Надежда.

Елена задержалась у двери.

— Вот теперь я спокойна.

Когда дверь закрылась, Надежда снова посмотрела на письма.

— Ты открывал комплект до требования удалить?

— Да.

— После?

— Нет.

— Копировал кому-то?

— Нет.

— Что-то из него включил в рабочие заметки?

Глеб вспомнил блокнот.

— Зафиксировал для себя несколько обозначений до письма об отзыве.

— На рабочем носителе?

— Бумага.

— Где?

— Дома.

Надежда закрыла глаза на секунду.

— Конечно номер два.

— Я могу сегодня уничтожить страницу.

— Нет.

Он удивился.

— Почему?

— Потому что ты опять пытаешься улучшить прошлое после того, как оно уже произошло.

Фраза была произнесена спокойно, без нажима. От этого прозвучала хуже. Глеб отвёл взгляд к окну.

— Мы сейчас про документы.

— Именно. Поэтому не драматизируй. Запись сделана до требования об удалении. Сохрани её как часть собственной хронологии, не распространяй и не используй в выводах, пока не определён статус. Не надо устраивать красивое уничтожение доказательства собственной аккуратности.

— Это не доказательство.

— Глеб.

Он замолчал. Надежда открыла ноутбук.

— В ответе не будем писать, что файл удалён. Не будем писать, что сохраним его навсегда. Напишем факт: ошибочный комплект исключён из рабочей выборки, доступ к нему ограничен, дальнейший режим хранения или удаления будет определён официальным согласованным указанием сторон с учётом правил бюро. Пусть их юристы формулируют, чего именно хотят.

— Нормально.

— И ты не открываешь архив, пока Елена не даст письменное разрешение.

— Уже договорились.

— Хорошо.

Надежда начала печатать. Несколько секунд слышны были только клавиши. Глеб смотрел на её руки и ненавидел себя за то, что помнит, как она всегда нажимает пробел правым большим пальцем. Человеческая память была устроена несправедливо: важные разговоры стирались до нескольких фраз, а бессмысленная моторная привычка оставалась на годы.

— Как ты? — спросила она, не отрываясь от экрана.

Вопрос прозвучал настолько буднично, что он сначала решил, что речь о работе.

— Нормально.

Надежда перестала печатать.

— Тогда неважно.

— Что?

— Ничего.

Глеб понял слишком поздно.

— Ты спрашивала не про проект.

— Уже не спрашиваю.

— Надя...

Она подняла взгляд. Он остановился. Имя вырвалось в старой форме само, и между ними на секунду открылось пространство, которое оба обычно аккуратно обходили.

— Я нормально, — повторил Глеб. — Просто мало спал.

— Из-за документов?

— Частично.

— Значит, не нормально.

— Ты всегда считала сон универсальной диагностикой.

— Нет. Просто ты никогда не признаёшь тревогу, пока она не начнёт измеряться в часах сна, количестве кофе или таблицах.

Глеб усмехнулся.

— И что из этого у меня сегодня?

— Ты уже дважды поправил ручку параллельно краю стола.

Он посмотрел на ручку. Надежда снова начала печатать.

— Трижды, — сказала она.

Глеб оставил ручку как есть. Через несколько минут текст ответа был готов. Надежда развернула ноутбук к нему.

— Читай как инженер. Не улучшай как бывший парень.

— Есть отдельный режим?

— У тебя — да.

Он прочитал. Формулировка была точной и намеренно скучной. Ни одной лишней позиции, ни одного признания сверх необходимого. Глеб поймал себя на том, что ему нравится именно это.

— Отправляем, — сказал он.

— Елена отправляет. Ты здесь не сторона договора от своего имени.

— Верно.

Надежда закрыла ноутбук.

— И ещё. Если в случайном комплекте было что-то, что реально влияет на безопасность нынешнего объекта, ты не можешь просто сделать вид, что этого не видел. Но и тащить закрытый документ в отчёт нельзя. Значит, формулируешь независимый вопрос так, чтобы он возникал из разрешённых материалов.

Глеб посмотрел на неё внимательнее.

— Например?

— Ты инженер. Вот и придумай законный путь к своему вопросу.

Она встала.

— Это бесплатно. Следующий совет по тарифу.

— Ты стала добрее.

— Нет. Просто научилась вовремя выставлять счёт.

У двери Надежда остановилась.

— Глеб.

— Да?

— Не пытайся за один день понять, почему кто-то четырнадцать лет назад написал не ту строчку в документе.

Он замер.

— Я не говорил тебе про 2012.

Надежда посмотрела на него с лёгким удивлением.

— Елена сказала, что объект после пожара. Я читала договорную справку ещё в октябре.

— Понятно.

Она чуть прищурилась.

— А ты что подумал?

— Ничего.

— Вот это уже точно неправда.

И вышла.

* * *

К полудню Глеб составил первый официальный перечень недостающих данных.

Он начал с того, что действительно требовалось для работы: актуальная однолинейная схема электроснабжения, схемы автоматического ввода резерва, перечень критических нагрузок, протоколы испытаний источников бесперебойного питания, расчётные ёмкости аккумуляторных батарей, характеристики дизель-генераторной установки, фактические журналы технического обслуживания, логика работы пожарной автоматики при потере внешнего питания, сценарии разблокировки дверей СКУД и схема резервирования каналов связи. Потом перечитал список и удалил три пункта, которые скорее удовлетворяли любопытство, чем влияли на аудит. Елена была права. Это раздражало. Он открыл рабочий комплект от 17:32 — тот, который был разрешён к работе, — и пошёл по нему заново, уже не ища странности. Сначала электроснабжение.

Два ввода 0,4 кВ. Секционирование. Дизель-генератор. Несколько групп бесперебойного питания. Отдельное резервирование для пожарных систем, связи, части охраны и серверной. На первый взгляд всё выглядело разумно. На второй — тоже. Глеб не любил документы, которые начинали казаться подозрительными только потому, что он заранее хотел найти подозрение. Поэтому он заставил себя сделать то, что делал всегда в нормальном расследовании: выписать факты без интерпретации. Факт первый: на плане серверной обозначены два шкафа ИБП, в ведомости оборудования — три. Факт второй: для третьего шкафа указан отдельный автомат, но на однолинейной схеме отходящая линия заканчивается на условном обозначении без

наименования нагрузки. Факт третий: в схеме резервной связи присутствует узел РС-4, но его местоположение на плане не показано.

Факт четвёртый: часть таблиц использует обозначения «основной режим» и «режим EVENT», хотя критерии перехода между ними отсутствуют. Ни один факт сам по себе не был проблемой. В рабочей документации несовпадение количества оборудования между листами встречалось постоянно. Условное обозначение могло относиться к будущему подключению. Узел связи мог быть внешним. Режим EVENT — просто внутреннее название настроек на день мероприятия. Глеб открыл таблицу расчёта резервирования. Для пожарной сигнализации время работы было указано. Для СКУД — указано. Для серверного оборудования — диапазон. Для узла РС-4 — пустая ячейка. Он подождал секунду. Пустая ячейка теперь была важнее заполненной. В ошибочном комплекте Глеб уже видел «72 h», но сослаться на него не собирався: в рабочем наборе ни самого значения, ни основания для него не было.

Пусто. Рядом стояла сноска: «По отдельным эксплуатационным требованиям». Глеб открыл перечень приложений. Отдельных эксплуатационных требований в комплекте не было. Он добавил в запрос ещё одну строку:

«Предоставить основание для принятой продолжительности автономной работы узла РС-4 и документ, содержащий эксплуатационные требования к данному узлу».

Перечитал. Нормальный вопрос. Без вчерашнего архива он задал бы его точно так же. Это имело значение. Глеб отправил черновик Елене на согласование и занялся другим объектом. Следующие два часа были почти успокаивающе обычными. Он спорил с лабораторией о том, можно ли считать подплавленный контакт первичной причиной отказа, звонил эксплуатации склада и двадцать минут объяснял, почему фотография автомата после ремонта не доказывает его состояние до аварии. Потом правил заключение младшего инженера, заменяя три уверенных «произошло» на два «наиболее вероятно» и одно «установить невозможно». В 14:37 Елена вернула запрос с одним комментарием.

«П. 11 оставить. По РС-4 — хорошо. Отправляю».

Глеб посмотрел на сообщение дольше, чем требовалось. Пункт 11 был про журнал изменений конфигурации инженерных систем после реконструкции 2012 года. Елена оставила его.

* * *

Ответ от «Аурелии» пришёл неожиданно быстро — в 15:18. Не полный комплект. Только подтверждение получения запроса и таблица со статусами. Напротив большинства строк стояло: «будет предоставлено». Напротив журналов после 2012 года: «уточняется у владельца архива». Напротив РС-4: «эксплуатационные требования будут представлены на рабочем совещании». Глеб перечитал формулировку. Не «будут направлены». Не «в приложении». Представлены на совещании. Он открыл календарь. Никакого совещания назначено не было. Через четыре минуты пришло приглашение. Тема: «СП-19/12. Рабочее совещание № 1». Дата — 6 ноября. Время — 10:00. Место — офис «Аурелии Проект». Повестка состояла из восьми пунктов. Глеб прошёл по ним взглядом.

Актуальность схем. Режимы резервирования. Логика АВР. Пожарная автоматика. СКУД. Каналы связи. Автономные узлы. Порядок выдачи архивных материалов. Ничего необычного. Внизу было примечание:

«Просьба обеспечить личное участие ведущего эксперта Г.А. Руднева».

Глеб нахмурился. Он был ведущим экспертом. Его участие и так подразумевалось. Зачем отдельно писать это в приглашении? Он переслал письмо Елене с одним вопросительным знаком. Ответ пришёл почти сразу.

«Потому что заказчики любят контроль. Не только ты».

Глеб усмехнулся. Справедливо. Он уже собирался закрыть календарь, когда заметил ещё одну деталь. Приглашение было создано не тем сотрудником, который вчера отправлял доку-

менты. Организатором значился общий адрес проектного офиса, а в поле «по поручению» стояло только сокращение:

«АМВ».

Три буквы. Глеб навёл курсор, ожидая увидеть расшифровку. Ничего. Он не стал искать. Просто записал дату совещания. 6 ноября. 10:00. А рядом, в списке вопросов, отметил только один пункт:

«РС-4 — продолжительность автономной работы».

На этот раз без вопросительного знака.

* * *

В 18:06 Глеб закрыл рабочий ноутбук. В офисе оставалось человек семь. Кто-то спорил у принтера. Из лаборатории доносился металлический стук. В коридоре пахло разогретой едой, и только тогда он вспомнил, что так и не пообедал. На выходе Елена окликнула его.

— Завтра на объект не едешь.

Глеб остановился.

— Почему?

— Потому что уже хотел ехать?

— Нужно посмотреть фактическую схему до совещания.

— Посмотрим. Но не ты один. Я поставила на завтра Воронцова по электрике и Сафронову по связи. Ты получишь их листы осмотра.

— Я могу поехать с ними.

— Можешь. Не поедешь.

Глеб посмотрел на неё.

— Это часть проверки?

— Это часть работы руководителя. Учиться получать достоверный результат не только своими глазами.

— Если они что-то пропустят?

— Тогда у нас проблема с командой, а не повод сделать из тебя человека-отдел.

Он хотел возразить и понял, что именно этого она ждёт.

— Хорошо.

— Неубедительно.

— Очень хорошо.

— Совсем плохо. Иди домой.

Глеб надел куртку.

— Елена Сергеевна.

— Что?

— Почему именно этот проект?

Она не переспросила.

— Для повышения? — уточнил он.

Елена некоторое время молчала.

— Потому что здесь тебе придётся делать то, что у тебя получается хуже всего.

— Руководить?

— Не знать всего.

Глеб ждал продолжения. Елена взяла со стола телефон.

— И всё равно отвечать за качество решения.

Он кивнул. Уже в коридоре она добавила:

— И ещё, Глеб.

Он обернулся.

— Если старый пожар действительно влияет на текущую безопасность, мы до него доберёмся. Нормально. Через документы, людей и проверяемые факты. Не через ощущение, что кто-то специально оставил тебе дверь приоткрытой.

— Я так не думаю.

Елена посмотрела на него.

— Пока нет.

* * *

Вечером дома Глеб не открыл ошибочный архив. Он даже не включил рабочий ноутбук. Приготовил ужин, включил музыку слишком тихо, чтобы действительно слушать, и почти час читал статью, содержание которой потом не смог бы пересказать. В 22:11 телефон завибрировал. Не почта. Сообщение от незнакомого номера.

«Глеб Андреевич, добрый вечер. Подтверждаю рабочее совещание 06.11 в 10:00. Пропуск будет оформлен. Просьба взять с собой перечень вопросов по автономным системам. М.С.»

Глеб перечитал сообщение. Ответил:

«Добрый вечер. Принято».

И уже собирался убрать телефон, когда пришло второе.

«По архиву 2012 года: часть материалов будет доступна после внутреннего согласования. До совещания просим не делать выводов по неполному комплекту».

Глеб долго смотрел на экран. Формулировка была профессиональной. Вежливой. Логичной. И всё же в ней было одно слово, которое ему не понравилось. Не «ошибочному». Не «отозванному». Неполному. Глеб открыл блокнот. Под вчерашней записью написал дату: 04.11.2026. Ниже — две строки.

«РС-4 — эксплуатационные требования отсутствуют в разрешённом комплекте».

«Архив 2012 — существует больше материалов, чем передано».

Он остановился. Потом перечеркнул вторую строку. Слишком сильный вывод. Написал заново:

«Архив 2012 — клиент подтверждает наличие материалов, выдача после согласования».

Так было точнее. Глеб закрыл блокнот.

Через несколько минут в другом конце города карточка ИНЦИДЕНТ 26-1103-17 получила второе обновление.

Внешний получатель: РУДНЕВ Г.А.

Статус: активная проверка

Характер реакции: ожидаемый / не деструктивный

Эскалация: не требуется

Ниже появилась короткая служебная пометка, добавленная вручную.

«Не ускорять».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.